

Концепт 'Цель' в аспекте диалогичности романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»

Во многих зарубежных и отечественных лингвистических работах последних десятилетий в качестве основы языковой картины мира и базового понятия когнитивной лингвистики рассматривается культурный концепт (Г.Ф. фон Вригт, А. Вежбицкая, Р. Джакендофф, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, В.А. Маслова, Г.Г. Слышкин, Т.В. Радзиевская, Е.А. Селиванова, В.Н. Манакин, Т.А. Космеда, Л.П. Иванова, Г.Ю. Богданович и др.). В своем исследовании мы опираемся на следующие теоретические основы понимания культурного концепта: 1) Необходимо разграничение терминов 'понятие' (восходящее к латинскому *conceptus*) и 'культурный концепт' (восходящее к латинскому *conceptum* – «зародыш, зернышко», первосмысл) [1–3]; 2) Культурный концепт понимается как языковая реализация ментальной единицы, детерминированной национальной культурой [4]; 3) Язык не является фотографическим отражением национальной специфики концептуального мира. Язык сам является особой разновидностью «биогеохимической энергии» – «энергией человеческой культуры» на ноосферическом уровне, по В.И. Вернадскому [2, с. 27]; 4) Число культурных концептов в настоящее время представляется неисчислимым. Оно значительно превышает ставшие традиционными представления о нескольких фундаментальных для русской культуры концептах (А. Вежбицкая) и о 40–50 основных концептах (Ю.С. Степанов). Более справедливым представляется положение В.А. Масловой, основанное на материалах конкретных исследований, что число концептов превышает несколько сотен [5]; 5) Культурные концепты отличаются динамичностью и подвижностью границ; 6) Изучение индивидуальных авторских концептов значительно расширяет представление о национальной концептосфере языка [6, 7].

К числу фундаментальных культурных концептов относится мегаконцепт 'Цель'. Несомненно, это мировой концепт, вербализированный словом, относящимся к разряду слов с семантикой высшего уровня абстрактности [8], но в то же время он включает в себе специфику ценностной составляющей и особенности образного представления, что позволяет говорить о 'Цели' как концепте русской культуры.

Исследование данного концепта в контексте романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», являющегося ключевым для русской культуры, позволяет расширить наши знания о 'Цели' в национальном языковом сознании.

Обращение к этому роману объясняется рядом причин. Во-первых, лингвистика рубежа веков, обращенная к синтезу разнообразных знаний о человеке, находит поистине бесценный материал именно в произведениях Ф.М. Достоевского в силу феноменальности его художественного мышления. Во-вторых, концепт 'Цель' в романе – это не только одновременное раскрытие и истоков, и цели преступления. Это слияние 'Цели' с 'Предназначением'. И наконец, драматическая (а точнее – трагедийная) основа его романов [9], их полифония, исследованная М.М. Бахтиным [10], позволяют увидеть не только богатство семантики концепта, но и его своеобразную кристаллизацию. С точки

зрения Б.Н. Любимова, «Преступление и наказание» является самым совершенным типом «сценического повествования» [9, с. 212]. Основа сюжета – разгадывание коренных истоков преступления, и это разгадывание проходит не в действиях, не в выявлении улик, свидетелей и т.д.: событийная последовательность с деталями («петля для топора») известна читателю сразу.

Это «разгадывание» – прежде всего в широко понимаемой диалогичности дискурса. Диалогичность дискурса непосредственно связана с текстово-дискурсивной категорией антропоцентричности. Традиционно в художественном тексте фиксируется наличие трех антропоцентров: автора, читателя и персонажа [11, 12]. В работах Е.А. Селивановой обосновывается более разноплановая и многослойная антропоцентрическая представленность в дискурсе, которая проецируется «в систему диалогических связей автора и его текста, автора и предполагаемого читателя, читателя и текста, конкретного читателя и автора и т.д.» [13]. Именно такое широкое понимание диалогических связей оказалось актуальным для исследования концепта 'Цель' в романе Ф.М. Достоевского.

Можно сказать, что роман насквозь пронизан диалогами, и это не только включенность в непрерывный диалог всех действующих лиц произведения. Это и внутренние монологи героев (прежде всего Раскольникова и Свидригайлова), которые «диалогичны» по своей сути, потому что почти всегда есть воображаемый «другой», к которому они обращены (например, воображаемые споры Раскольникова с Порфирием Петровичем – ч. VI, гл. 1, обращение Свидригайлова к своей покойной жене Марфе Петровне – ч. VI, гл. 6), или проявление рефлексии, когда «Я» раздваивается, например, внутренний монолог Раскольникова в самом начале романа: *Ну зачем я теперь иду? Разве я способен на это? Разве это серьезно? Совсем не серьезно. Так, ради фантазии сам себя тешу; игрушки! Да, пожалуй что и игрушки!* [14]. Заметим, что в этом же первом монологе появляется и первое представление концепта 'Цель': целевой вопрос *зачем* и причинно-целевая форма *ради фантазии*.

Диалогичность дискурса распространяется также на диалог самого автора с читателем, прежде всего, с реальными и воображаемыми оппонентами-сторонниками революционных социалистических идей. При этом для романа в целом нехарактерно осязаемое присутствие личности автора (исключение составляет «Эпilog»), но есть действующее лицо, которому доверены мысли Достоевского по поводу строительства социалистического будущего. Это Разумихин, в монологах которого звучит страстная полемика с социалистами по поводу «устройства» будущей жизни: *И выходит в результате, что все на одну только кладку кирпичиков да на расположение коридоров и комнат в фаланстере свели! Фаланстера-то готова, да натура-то у нас для фаланстеры еще не готова; жизни хочет, жизненного процесса еще не завершила, рано на кладбище!* Именно в диалогах выявляется прежде всего прагматика 'Цели', а также ее ценностная составляющая. Отмечу, что довольно подробно исследованная в современных работах концептуальная метафора «Общество-строение» оказывается соотносенной и с культурным концептом 'Цель'.

Т.В. Радзиевская пишет о том, что наличие выделительной оценки в семантике слова *цель* объясняет включение его в контексты с повышенной экспрессией, в которых представляются различные прагматические смыслы, а именно: категоричность, особые отношения субъекта речи к сообщаемому, средствам выражения. Прагматика обуславливает и особый тип высказываний: дефиниции, сентенции, высокопарные суждения, призывы [15]. В нашем материале эти характеристики приложимы в какой-то степени к речи Порфирия Петровича, отчасти – Свидригайлова, когда они рассуждают о цели преступления Раскольникова. Высказывания же самого главного героя отлича-

ются, разумеется, повышенной экспрессией, но основной прагматический смысл заключается в ином – в обнаружении истинной цели, причем в сущности речь идет о цели жизни, хотя, на первый взгляд, говорится о цели преступления, его мотивации. Вот здесь, по нашему мнению, и проявляются характеристики 'Цели' как концепта русской культуры: 1) глобальный характер; 2) настойчивый поиск истинной цели.

В решающем разговоре с Соней (часть IV, гл. 4) Раскольников, отбрасывая одну версию цели преступления за другой, как бы срывая верхние, видимые слои и добираясь до сокровенного, открывает главную цель: *Не для того, чтобы матери помочь, я убил – вздор! Не для того я убил, чтобы, получив средства и власть, сделаться благодетелем человечества. Вздор! Я просто убил; для себя убил, для себя одного(...) Мне другое надо было узнать(...) вошь ли я, как все, или человек?(...) Тварь ли я дрожащая, или право имею.* Обратим внимание на многократное отрицание «неистинных» целей: *Не для того, чтобы* и повторение настоящей цели: *для себя*. Но и это испытание себя – всего лишь первый шаг к глобальной цели: *власть над всем человеческим муравейником*. Мотив преступления формулируется предельно ясно: *Вот что: я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил.* 'Причина' и 'Цель' совершенно органично сливаются в единое целое. К тому же 'Цель' соотносится с испытанием своего 'Предназначения'.

Интересный материал для исследования сценария целевой ситуации и ценностной составляющей концепта 'Цель' представляет диалог студента и офицера, услышанный Раскольниковым в трактире (ч. I, гл. 6).

Анализ диалога об убийстве «для справедливости» заслуживает особого внимания: цель *справедливость* представляется как в высшей степени гуманная и полезная, невербализованный бенефактор мыслится как человечество [16] – о деконкретизации бенефактора, осмысляемого как высшая цель. Но – обратим внимание! – агент как исполнитель целенаправленного действия отсутствует. Есть только субъект высказываемой мысли: – *Я бы эту проклятую старуху убил и ограбил, и уверяю тебя, что без всякого зазору совести, – с жаром прибавил студент. (...) – Вот ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи мне: убьешь ты сам старуху или нет? – Разумеется, нет! Я для справедливости... Не во мне тут дело.* В этом монологе студента, рассуждавшего в унисон мыслям не только Раскольникова («в собственной голове его только что зародились ...такие же точно мысли» – но и многих молодых современников (*это были самые обыкновенные и самые частые (...) молодые разговоры и мысли*), прослеживается важнейшая ценностная составляющая культурного концепта 'Цель', связанная с прагматикой высказывания. Автор высказывания, совпадающий с агентом, свою цель всегда (или почти всегда) оценивает как полезную, справедливую, достойную. Причем, как представляется, для русского сознания характерно отнесение цели к неопределенному будущему и приращение ей «вселенского» характера.

Такой характер цели непосредственно связывается с представлением не просто о будущем, а о вселенском будущем (см. философию русского космизма – Муравьев В.Н. – [17]).

Проповедующий «справедливость» студент цель ставит очень высокую и абстрактную – «служение всему человечеству и общему делу» (стилистика высказывания вполне соответствует этому настрою), но *средство достижения* этой цели (по выражению Н.Д. Арутюновой, «ее ближайший концептуальный партнер») предельно конкретно: *Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу...*

Таким образом, обращение к языковой реализации культурного концепта 'Цель' в тексте романа Достоевского позволяет выявить специфику концепта в русском языковом сознании, его пересечение с другими важнейшими концептами, а также расширить представление о прагматике целевых высказываний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». – СПб., 1999.
2. Манакин В.Н. Сопоставительная лексикология. – Киев, 2004.
3. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997.
4. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М., 2000.
5. Маслова В.А. Homo Lingualis в культуре: Монография. – Витебск, 2004. – С. 153.
6. Космеда Т.А. Концептосфера дневника Т.Г. Шевченко: концепт 'Украина' // Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства, 2003, № 8. – С. 122–126.
7. Павленко Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М., 1983.
8. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. – М., 1997.
9. Любимов Б.Н. Роль Достоевского // Действо и действие. – Т. 1. – М., 1997. – С. 141–142.
10. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1972.
11. Воробьева О.П. Текстовые категории и фактор адресата. – К., 1993.
12. Данилко М.И. Композиционно-речевые средства создания абсолютной антропоцентричности художественного текста: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Одесса, 1987.
13. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: Монографическое учебное пособие. – Киев, 2004. – С. 228.
14. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Собр. соч. в 10 т. – Т. 5. – М., 1957. – С. 6.
15. Радзиевская Т.В. Семантика слова *цель* // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. – М., 2003. – С. 401.
16. Арутюнова Н.Д. Язык цели // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. – М., 2003. – С. 394.
17. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. – Мн., 2004. – С. 11.

S U M M A R Y

The article deals with the peculiar features of the cultural concept «purpose» in the discourse of dialogues in the novel «Crime and Punishment» by F. Dostoevsky.

Поступила в редакцию 23.03.2005